

Обжогин Сергей

СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДЦЕ

Мистическая повесть

Сергей Викторович Обжогин

Серебряное блюдо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65312882

SelfPub; 2021

Аннотация

Чтобы разбавить деревенское однообразие и скуку отец с дочерью увлеклись прогулками с металлоискателем. Объектом их внимания стали руины старинной усадьбы. Однажды им посчастливилось найти настоящее серебряное блюдо, на ободке которого выделялись буквы алфавита и цифры. С того дня при лунном свете в комнате дочери постоянно слышался таинственный шёпот.

Сергей Обжогин

Серебряное блюдо

Много раз принимался писать эту историю, но каждый раз моя ручка зависала в воздухе над чистым листком бумаги. Одна мысль постоянно мешала начать работу. Кто-то внутри всё время твердил: «Хочешь стать посмешищем, тогда давай!» Да, признаю, рассказчик из меня никудышный.

Тут говорят надо сначала представиться и немного рассказать о себе. Стоит ли, не знаю? Меня зовут Павел Голованов. Последние десять лет моя жизнь скучна и сера, как солдатское сукно. Со смертью дочери исчезла и цель жизни. В её гибели есть часть моей вины.

Если бы я её сюда не привёз, то всё бы было хорошо. Да разве убежишь от судьбы!? Её жизнь оборвалась загадочно и трагично на пороге зрелости, когда земля забылась зимним сном.

Видит бог, у меня были только чистые помыслы. Я хотел, чтобы мерзость современного мира к ней не прикасалась, поэтому и привёз её в эту глушь. Когда в жизнь лавиной хлынули цифровые технологии, тогда у меня и возникло это желание. У Ани разбегались глаза от всех этих телефонов, планшетов и прочей новомодной дребедени. Я, отставной офицер на пенсии, не мог в то время её баловать такими

вещами. Вернее сказать не хотел. Мне казалось, книги, леса и поля дадут дочери иное представление о жизни. Пусть они наивны, но зато чисты. А в городе сам воздух пропитан недоверием людей к друг другу. Пусть она не будет знать того, что знаю я. Мне хорошо знакома человеческая жестокость. Я видел собственными глазами, на какие зверства способны люди. Эту жестокость я чувствовал во всём новом, поэтому старался уберечь и огородить дочь от этого зла.

Такие были мои мысли десять лет назад, когда потрёпанный автобус остановился напротив указателя «Тихонино». Этот день я вспоминаю очень часто.

От повёрки ещё предстояло идти пять километров пешком. Прогулка предстояла нелёгкая. В воздухе застыла нестерпимая духота. Солнце жарило во всю силу, оно успело подсушить жирную рыжую глину на обочинах после утреннего дождя. Движение затрудняли два тяжёлых чемодана и большая спортивная сумка, ремень которой врезался мне в правое плечо.

Назойливые полчища слепней постоянно атаковали моё вспотевшее лицо. Капли пота сползали под воротник лёгкой ветровки и щекотали кожу на шее.

Анюта шагала бодро, почти вприпрыжку и, шутя, подгоняла меня. Почему-то у насекомых она не вызывала никакого интереса, слепни как будто её не замечали, так что опасения мои были напрасными. Её маленький красочный рюкзак свободно болтался на спине.

Я любовался дочкой. В этом году ей исполнилось бы шестнадцать лет. Слегка упитанная фигурка Ани радовала глаз. Она и сама частенько поглядывала на свои аккуратненькие ровненькие ножки. Ступни, обутые в модные лёгкие «лодочки», свободно шагали по убитому дорожному покрытию и, играючи, перепрыгивали мелкие лужицы. Короткие шортики и футболка плотно обтянули молодое красивое тело, выделив все прелести будущей женщины.

Детские голубые глаза, полные изумления, с интересом разглядывали ровные шеренги берёз по краям дороги. Слегка вздёрнутый носик дочери ловил запах первого летнего месяца. Аня собрала свои тёмные волнистые волосы в пышный хвостик. Он то и дело подпрыгивал вверх при ходьбе. Так она мне напомнила её мать в юности.

С Тamarой мы разошлись тихо и мирно ещё два года назад. Почти десять лет мы жили, не понимая друг друга. Даже спали в разных комнатах. Находиться в доме для меня стало настоящей мукой. Напряжённое молчание выбивало из сил. Не знаю, чего мы ждали всё это время. Надеяться, что вернётся прежняя любовь и взаимопонимание, было бесполезно. По крайней мере, мне так казалось. Нам не хотелось травмировать психику дочери. Это единственное обстоятельство, которое нас удерживало вместе. Вот и терпели. Играли роль счастливой семьи.

Я догадываюсь, настоящей причиной разлада и отдаления стала моя зарплата. Материальный комфорт стал для Тама-

ры важнее чувств. Хоть мы и жили не в бедности, но ей постоянно хотелось чего-то большего. Увы, я не соответствовал современным шаблонам успешного мужчины.

Узнав об измене, я подал на развод. Разменяли квартиру и разъехались. Жена сама спихнула мне дочку. Анюта не вписывалась в её новую жизнь.

Мы подходили. Где-то поблизости тарахтели трактора. Пашни уже вовсю зазеленились молодыми ростками овса или пшеницы. Над полями кружат толстые чайки. Мимо нас пронёсся скрипучий «Газик». Грузовик обдал нас выхлопными газами и скрылся за поворотом.

Вскоре нас встретил ржавый комбайн. Он мне знаком с детства. Его колёса утонули в земле, на них ещё видны клочки сгнившей резины. Бывшего «хозяина полей» окружил молодой плотный ольховник. Комбайн застыл на этом месте, когда мне было десять лет. Нам с друзьями он служил и космическим кораблём и пиратским фрегатом. Нашей фантазии не было предела, а теперь он никому не нужен. У детворы теперь совсем другие забавы. Жалкое и печальное зрелище.

Анюта устала и стала капризничать. Раньше-то я её на плечах доносил, маленькая она была. Несколько раз брал её с собой навестить своих старых родителей.

—Пап, я уже не могу, ноги сейчас отвалятся.

—Ну, потерпи, ещё совсем чуть-чуть осталось.

Слабый сигнал телефона известил, что сотовая связь в этих краях не водится. До слуха донеслось знакомое с дет-

ства мычание коров и оранье петухов. Приятное волнение зашевелилось в груди, и я прибавил шаг. Хоть мы никуда и не опаздывали, но меня всё сильнее притягивала моя родина детства. В голове столпились воспоминания, готовые вот-вот прорвать плотину памяти.

Посёлок виден как на ладони. Он уютно расположился на плоской возвышенности. Дома построились ровными рядами. Бревенчатая сельская школа и детский сад всё также стоят по-соседству. За ними большой стадион. Фабричная труба местами покрылась зелёным мхом, она не дымит уже лет тридцать.

Неглубокая широкая речушка подковой огибает всё Тихонино, по её берегам растут курчавые заросли черёмухи. Во время цветения дурман от неё разносится на всю округу.

В посёлке всё ещё живут необыкновенно добрые и чистые люди. Почти все жители здесь с открытой душой и сердцем. Корысть и зависть пока не добрались сюда по разбитой дороге. Здесь до сих пор ученики издалека кричат учителю: «Здравствуйте!» и не воротят нос при встрече. Такой жизни я хотел для дочки. В этом мирке и мне всегда становится хорошо.

Мы шли по центральной улице. Люди копошились в своих огородах, а кто просто сидел, наслаждался погодой. Завидев незнакомцев с чемоданами, люди нерешительно кивали. Мы им отвечали в ответ. То тут, то там за нашими спинами слышалось громкое шушуканье:

–А кто это!?

–Какие-то городские. Наверное, в гости к кому?

–Так это же Пашка Голованов с дочкой!

–Да, точно!

–Надо же, домой вернулся.

Родительский дом словно обрадовался нашей встрече. Завидев нас издалека, он залил свои окна светом. Солнечные лучи отражались от жестяной крыши и щекотали глаза. Дом обшит деревянной вагонкой. Синяя краска на ней вся сохла и потрескалась. Эти «морщины» легко устранить, подумал я, а вот мои морщины уже никак не загладишь.

За домом просторный запущенный огород. Под яблонями и вишнями скопился слой прошлогодней листвы. Кусты чёрной смородины без хозяйского присмотра почувствовали волю и сильно разрослись. Ряд старых отцовских построек слегка накренился вбок, будто хотел посмотреть, что там за забором.

Ключ от дома, как всегда лежал в своём тайничке под козырьком крыльца. От поворота ключа в ветхом замке что-то лязгнуло. Дужка послушно ослабла и старый верный «сторож» повис на петлях.

Знакомый с детства скрип половиц за порогом террасы всколыхнул память. Комнаты встретили нас пустотой и застоявшимся запахом прели.

Прихожая, коридорчик, кухня и две комнаты – вот и всё внутреннее устройство дома. В центре всего этого большу-

шая русская печь, отделанная голубой керамической плиткой.

Вся мебель моя ровесница, если не старше. На пыльных полках трюмо в зале всё также стоит советский хрусталь. Он немного утратил свой прежний блеск и сияние. Смешно, мы так ни разу с него не ели и не пили, а мама им так дорожила.

Я замер в прихожей у зеркала. Там я увидел далеко не молодого паренька, а почти пожилого, немного угрюмого мужчину с серыми уставшими глазами. Моё изношенное лицо успело загореть во время нашей прогулки.

Глаза дочки рассеянно бродили по вздутым поблекшим обоям.

—Ну, чего ты как в гостях,— подбодрил я её,— не стесняйся, мы дома. Давай, располагайся.

После долгой дороги навалилась усталость. У меня хватило сил только подсоединить газовый баллон к плите и наладить телевизор. Такого изобилия программ, как в городе, конечно же, не было, довольствовались, чем есть.

Остаток дня отдыхали. Ночью я никак не мог уснуть. В голове всё нарастал и нарастал список из предстоящих дел и забот. Покраска дома, ремонт сарая и прочее и прочее. Пунктов становилось всё больше и больше. Тягучая бессонница одолевала почти до рассвета.

Соседи меня помнили. Всю неделю они нас снабжали куриными яйцами и молоком. По их совету решил вернуть огороду прежний ухоженный вид и красоту. Посадить картошку

и другие овощи было совсем не поздно.

Несколько дней с Анюткой перекапывали землю и делали грядки. Посадочным материалом и навозом с нами охотно поделились всё те же соседи. Мои руки соскучились по работе. С непривычки на ладонях выскочили кровяные мозоли.

Я радовался, глядя, как дочка заботливо и с любовью рассыпает семечки в лунки. Ей было самой интересно и ново это занятие. Она также, как и моя мама когда-то тихо разговаривала с землёй. Теперь родители и сами лежат в земле.

Соседей звали дядя Гена и тётя Люба. Им уж обоим далеко за шестьдесят. Каждый день они с нами приветливо здоровались через забор и давали кое-какие назидательные указания. Мы ради приличия спрашивали про их здоровье. Была в этих беспечных и однообразных разговорах какая-то задушевная деревенская теплота.

Беседовали о погоде, о людях, политике, вспоминали добрым словом моих родителей. Они тут лежат совсем близко. Простенькое скромное кладбище находится на том берегу. Убогий деревянный мост разделяет мир живых и мёртвых. Теперь уж там «жителей» больше, чем в деревне.

По вечерам дочка прикипала к книгам. Самые лучшие труды мировых классиков стояли за стеклом большого серванта. Внушительная коллекция настоящих шедевров литературы занимала не один квадратный метр. Родители бережно хранили и очень трепетно относились к каждой книге. Я был и сам не прочь снова перелистать сочинения Джека Лон-

дона или Ги Де Мопассана. Загнутые уголки страниц окунули меня в юность, так я помечал особо важные для себя места в романах. Отец меня за это сильно ругал. Слова, которые я подчёркивал карандашом, зажигали в моей голове свет, мысли начинали взволнованно метаться и уносились ввысь. Чтобы испытывать такое состояние снова и снова, я перечитывал одни и те же места десятки раз. И каждый раз мысли пополнялись чем-то новым. Такого эффекта уже давно нет, потому как за плечами совсем другая мудрость – жизненный опыт. Теперь лишь лёгкая усмешка возникает на губах, когда глаза касаются строк, где речь идёт о сокровищах человеческого духа.

Так потихоньку и стала складываться наша новая жизнь. Сходили в сельсовет, оформили постоянное место жительства. Я прекрасно понимал, что интерес к грядкам и чтению у дочки скоро начнёт увядать. Мне бы следовало припасти ей новое увлекательное занятие, а там глядишь и первое сентября.

Автобус до районного центра ходил лишь по субботам. Каждую неделю я ездил подкупать стройматериалы и различные вещи для хозяйства. Казалось, этим поездкам не будет конца. Постоянно требовалось что-то чинить и ремонтировать. Почти весь родительский инвентарь пришёл в негодность от времени, а я как-то стеснялся всё время заимствовать инструмент у соседей. Ведь в деревне слухи расползаются быстро. «Что за мужик – попрошайка!?» – скажет на-

род. Такой славы мне не хотелось.

Однажды, бегая по базару, я наткнулся на необычную палатку, где мужчина южной наружности торговал металлоискателями и прочей соответствующей атрибутикой. Мой взгляд мельком пробежался по витрине, и в душе проснулось что-то светлое и желанное. Вспыхнула мечта детства! Какой мальчишка не представлял себя в роли искателя сокровищ?! Я остановился на пару секунд у торгового шатра, но цены меня слегка спугнули и я прошёл мимо.

В кармане оставалось всего семнадцать тысяч рублей, да десять тысяч были припрятаны дома на всякий непредвиденный случай. Следующая пенсия и деньги за аренду городской квартиры ожидалась только в конце следующего месяца. Купить металлоискатель на последние деньги было бы слишком легкомысленно.

Закупив все необходимые материалы из списка, я сидел и ожидал отправления автобуса. Бабульки рядом тараторили и возмущались ценами. Моё разгорячённое желание приобрести металлодетектор не остыло и щекотало грудь изнутри. Я знал, что это чувство меня не оставит в покое до тех пор, пока я не совершу задуманное.

До отъезда оставалось около десяти минут. Внутренний зуд усилился, терпению пришёл конец. Я предупредил водителя о своём скором возвращении, выпрыгнул из автобуса и побежал к палатке моего возмутителя спокойствия.

Выбирать мне не пришлось. Моих средств хватило толь-

ко на самый дешёвый прибор. Продавец никак не хотел скидывать цену. Да и я, признаться, торговаться совсем не мастер. После недолгих торгов у меня в руках оказался складной простенький металлоискатель, который в сложенном состоянии легко помещался в обычный рюкзак. Его нам с дочкой вполне хватит, чтобы побаловаться и занять время.

Мужчина в двух словах рассказал, как пользоваться аппаратом. Ещё он меня уболтал купить у него маленькую сапёрную лопатку. Пришлось согласиться и раскошелиться, так как мой внутренний советчик подсказывал, что гулять по полям с большой лопатой будет затруднительно, она может привлечь много внимания, а лишнее любопытство нам ни к чему. Дело-то ведь не совсем законное! Маленькая лопата для этих целей куда удобнее. Торговец, пересчитывая мои деньги, пожелал мне удачных находок и мы попрощались.

От районного центра до нашего посёлка сорок километров. Со всеми остановками старенький «Пазик» преодолел это расстояние за полчаса. Дорога живописная, но очень извилистая с крутыми спусками и подъёмами. Порой в пути возникает такое чувство, будто находишься в неуправляемом лифте, который едет вверх, вниз и даже в стороны. Манера езды у молодого водителя слишком лихая. Но пассажиры открыто не выказывали своё недовольство, лишь тихо злобно ворчали себе под нос. Было весело только молодым ребятам на заднем сидении, видимо они возвращались с учёбы. Я тоже ехал с приподнятым настроением, наконец,

мне удалось найти занятие, которое спасёт нас с Анюткой от деревенской скуки. Может, нам действительно повезёт, и мы найдём что-нибудь стоящее, ведь здешние места когда-то были угодьями одного известного богатого помещика. Ещё со школы в моей памяти остались кое-какие скудные сведения о нём. Знаю, что фамилия у него Тихонов. Наверное, деревня неспроста носит название Тихонино. Слышал, где-то неподалёку от посёлка находятся руины его усадьбы, туда-то и были нацелены мои думы.

Часть вторая.

Анюткиной радости не было предела, когда она увидела новую игрушку. Дочка тут же достала прибор из упаковки, вставила батарейки и побежала испытывать его во двор.

На странные громкие звуки, которые издавал аппарат, вышли тётя Люба и дядя Гена. Аня похвасталась им нашей покупкой. Соседи с интересом наблюдали, как дочка водит катушкой по земле.

Я принялся соскребать старую краску с обшивки дома. Подготавливал поверхность к покраске. Любопытство мешало работать, то и дело мой взгляд обращался к дочери. И соседи, и я с нетерпением ждали первой находки, она не заставила себя долго ждать.

Пронзительный сигнал раздался рядом с забором, известил, что в почве находится металл. Аня вонзила лезвие лопаты в землю. Неуклюже выворотила большой ком земли и стала разбирать его на маленькие части. Мы все, затаив

дыхание, следили за ней. Дядя Гена строил шуточные предположения насчёт немецких мин и золотых царских империалов. Добыча действительно оказалась пустяковая. Аня немного расстроилась, увидев у себя в руках ржавый гвоздь.

Находки у сарая были серьёзнее. С чувством довольства и гордости дочка взвешивала на ладони большую подкову. Тут же рядом она выкопала две советские монеты выпуска семидесятых годов. Номинал одной составлял три копейки, второй пять копеек. Материальной ценности они не представляли, достоинство их духовное. Наверное, когда-то мои родители держали их у себя в руках. Самой важной ценностью для меня было настроение дочери. Я радовался вместе с ней. Она осталась довольна моей покупкой.

Наспех поужинав, Аня напросилась в огород к соседям. Они её пригласили при одном условии, что она после себя аккуратно закопает все ямки. Два болта, непонятная железка и несколько кусков проволоки пополнили находки первого дня поисков.

Наши многообещающие планы сбила плохая погода. Всю неделю дул ветер страшной силы. В воздухе летал песок, сухая трава и щепки. Выход на улицу грозил травмами, мало ли что по ветру пущено. Буря завихряла пыль в высокие столбы. Наш домишко содрогался от порывов ветра. Облокотившись на подоконник, я жалел наши яблоньки, казалось, ещё немного и деревья вырвет с корнями. Изредка на небе случались минутные проблески солнца, но ветер от этого не

стихал. Электричество отключили в первый день ненастья. Мы коротали время за книгами. От безделья Аня осваивала стойку и ходьбу на руках. За два дня она добилась хороших результатов. Дочка могла спокойно обойти на руках весь дом, даже пороги ей не составляли преграды, она их с лёгкостью перешагивала.

Я тоже не сидел без дела, принялся облагораживать найденную подкову. Зачистил ржавчину наждачкой, вымочил в бензине и покрасил несколько раз белой краской. Когда краска подсохла, подкова заняла почётное место над входной дверью. Только почему-то счастья она нам не принесла...

В пятницу вечером, после обильного дождя, заслон из сердитых тёмных туч стал рассеиваться. Подачу электричества возобновили. Соседи пригласили нас к себе в гости. Поводом стал День рождения дяди Гены. Насчёт подарка они предупредили сразу, им ничего не надо, бестолковых безделушек у них и так целый дом.

Расположились за столом на просторной террасе. Примечательным элементом помещения было чучело огромного глухаря. Птица словно живая смотрела на нас сверху. Дочка встала на носочки, вытянулась и погладила перья безжизненной птахи.

Рядом в сарайчушке кудахтали куры, изредка мычала корова, и повизгивал поросёнок. В деревне без скотины сложно прожить.

Гордостью соседей били трое сыновей. Я их тоже хорошо помнил. Младший мой одноклассник. Частенько братцы драли мне уши за поленницей. Ссадины и обиды уже давно забылись. Где они и кем стали мне было не интересно, поэтому я и не спрашивал.

С соседом выпили, разговорились. Тётя Люба тоже пригубила несколько глотков красного вина. Анютка сразу набросилась на большущую сковородку жареной картошки.

—Ешь, ешь, милая,— приговаривала тётя Люба,— это тебе не в этих, как их там,— запомняла соседка, видимо припоминая название Макдональдса.

Аня в ответ только мурлыкала и закатывала глаза от удовольствия. То и дело у неё во рту похрустывали вкусные лакомые поджарки с чугунной сковородки.

Старики жаловались, что не помнят таких сильных ветров. Это излюбленная привычка большинства пожилых людей. Они вечно что-то не могут припомнить, думаю, они тем самым намекают на авторитет своих лет.

За простым свободным разговором меня посетило такое чувство, будто я нахожусь на своём месте, которое меня всегда ждало. Вся прежняя жизнь показалась каким-то недоразумением. И что я забыл в том мире, где царит бессмысленная суета!? Недаром меня жизнь часто била по голове, чтобы я возвращался сюда, на свою родину. А я только противился ей.

Изрядно захмелев, дядя Гена стал давать мне советы на-

счёт зимовки. В первую очередь следовало запастись дровами, говорил он. Именинник растолковал к кому лучше обратиться с этой просьбой. Затем я внимательно выслушал несколько рекомендации по садоводству. Незаметно для самих себя разговор подкрался к усадьбе помещика. Я выспросил у соседа, где она находится. Дядя Гена схематично нарисовал на картонке местонахождение развалин. Его пьяный взор то и дело устремлялся на север. Размахивая руками, он стал объяснять маршрут:

–Перейдёте мост, повернёте налево и шагайте километров восемь вдоль реки вверх по течению. Там когда-то была дорога, сейчас всё ивняком заросло. Упрётесь в срезанный уединённый холм, его мимо не пройдёте, он сразу врежется в глаза. На нём-то и стояла усадьба Тихонова.

После недолгой паузы он опрокинул стопку за свои ровные усы и добавил:

–Моя бабка, царство небесное, прачкой у него несколько лет работала. Богатый, щедрый был человек... Жаль, конечно, что такая трагедия случилась..

–А какая?– спросил я.

Сосед вопросительно на меня посмотрел и удивлённо спросил:

–А ты разве не знаешь!?

–Нет, слышал, вроде сына у них убили, а всех деталей и подробностей не знаю.

–Вот тебе и на,– слегка вызывающе выказал своё изумле-

ние дядя Гена, как будто я был в чём-то виноват,— ну, тогда слушай... А ты, мать, принеси-ка нам ещё четвертинку для беседы,— обратился он к жене.

Сосед подготовил своё горло к длительному повествованию продолжительным кряхтением и стал рассказывать:

—Богатство Тихонова подпитывалось не только за счёт земель и крестьян, полюбилось ему ювелирное дело. Ремесло прибыльное. Наверняка ещё на чердаках в деревне можно найти серебряные ложки, вилки и чашки его работы. Такую мелочь, как кольца и серьги он делал очень редко, а вот посуда была его страстью. Маленький цех постепенно разрастался, говорят, иногда заказы поступали даже от приближённых самого царя.

Единственного наследника Тихоновых звали Никита, родители в нём души не чаяли. До шестнадцати лет мальчишка только радовал родителей, они ему во всём потакали, растили настоящего барина. Повзрослев, он почувствовал силу денег и власти над людьми. Ни к какому делу он интереса не имел, кроме молодых девок...

Сосед измерил прищуренным глазом объём налитой самогонки в стопках, сказал: «Ну, будем!» и быстрым движением опрокинул содержимое рюмки в рот. Я последовал его примеру.

Лицо собеседника утратило прежнюю добродушность, оно стало серьёзным и немного суровым. Аня нас не слушала, хозяйка показывала ей старый семейный альбом и

рассказывала о своих многочисленных внуках. Взглянув на Аню, уши дяди Гены запылали, он понизил голос и продолжил:

—Когда маленький барин понял, что здесь ему никто не указ, и что он здесь полный хозяин, стал творить самовольство... Кровь бурлила в молодом теле, природа брала своё... Молодых девок принуждал к любви с ним, а чаще просто насиловал без всяких уговоров.

В народе недовольство и возмущение нарастало с каждым днём. Люди ходили с жалобами к родителям, а те лишь руками разводили. Пожурят маленько сына, а он потом опять за своё.

Собрались как-то отцы и братья обиженных девок, подкараулили барина тёмной ночью и в проруби утопили. Так и не нашли его косточек, будто растворился на дне реки.

—Ужасы, какие при ребёнке рассказываешь,— перебила мужа тётя Люба.

Я осмелился сказать пару слов в защиту хозяина, уж больно хотелось узнать конец истории:

—Да она в интернете ещё и не такого насмотрелась. Да, дочь!? Современных детей напугать сложно.

Аня залилась краской, усмехнулась, слегка вздёрнув плечи.

—А потом что?

—А что потом!? Потом родители горевали шибко. Бабка говорила из усадьбы вой и плач несколько недель слышал-

ся. Нескоро родители с потерей смирились. Среди прислуги слушок ходил, что барева их от горя ума лишились. Ночи напролёт они шушукались и смеялись у себя в комнате. Комната та всегда под замком находилась, никого туда не пускали... А все мужики, кто был причастен к смерти сына, умерли странной скоропостижной смертью: кого лошадь затоптала, кто утонул, а кто во сне задохнулся...

Сосед глубоко сожалеючи вздохнул.

—Родители тоже оба преждевременно скончались, советская власть их в могилу загнала. От богатства прежнего одни руины остались. Усадьбу по кирпичикам растащили, накопленное добро искали. Так что вы ходите, ходите ради прогулки на разведку. Поищите, вдруг монетку, какую или перстенёк найдёте. Правда, до вас там столько охотников за чужим богатством побывало и не счесть. Там на земле места живого нет, всё перекопано.

Последним предложением дядя Гена словно проткнул мою надежду, и она стала сдуваться подобно воздушному шару. Напоследок он ещё раз объяснил дорогу к усадьбе, а я ещё раз поздравил его с Днём рождения и пожал его крепкую ладонь.

Свет у соседей на террасе горел до поздней ночи. Дядя Гена сидел, опершись локтями на стол, и смотрел куда-то в сторону севера.

Минул ещё один день. Солнышко подсушило землю. Едва утренний свет прикоснулся к окнам, мы, преодолевая зе-

воту, наконец-то отправились на поиски клада. Подходящую одежду и обувь раздобыли в кладовке. За картофельными полями перешли по мосту на тот берег. Сосед был прав, старая дорога утратила свою прежнюю проходимость, но кусты ивы при ходьбе почти не мешали.

Собачий лай, и крик деревенских петухов остался позади. Мы пробирались к своей цели. Аня предложила обследовать и дорогу, ведь усадьба-то никуда не убежит. Я достал из чехла прибор, собрал его и вручил дочке.

От росы всё вокруг поблёскивало. Наши сапоги снаружи стали совсем мокрые. Аня шла немного впереди меня, бодро ступая по влажной песчаной почве. Иногда я её обгонял, когда она долго задерживалась на одном месте. Её выражение лица забавно менялось в такт сигналам металлоискателя. Надо признать, она меня загнала. Я не успевал копать ямки, прибор реагировал даже на малюсенькие кусочки фольги.

Птицы не обращали на нас внимания и заливались пением в густых кронах деревьев. Вода в реке после недавнего сильного ливня ещё не успела проясниться, была немного мутная. По пути нам попадались размытые места в виде небольших овражков, заросших папоротником. В отвесных крутых берегах полно маленьких норок. Ласточки выглядывали из своих домиков и с интересом разглядывали нас. Теперь человек в этих местах редкий гость. Встретилось нам и несколько крупных муравейников. Солнце прогрело эти ма-

ленькие мирки, и в них зашевелилась жизнь.

Нашим досадным упущением стало то, что мы не взяли с собой какую-нибудь тару под землянику. Бывало, попадались целые полянки этого лесного лакомства. Буквально за пару минут ладони наполнялись крупными красными ягодами.

Аня радостно запрыгала, когда прибор запищал на более высоких тонах. Я поспешил копать в том месте. Причиной сигнала стал подшипник, откуда он здесь взялся, одному богу известно. Ещё мы в тот день нашли две консервные банки и десяток пробок от бутылок. Приятная усталость прогнала нас домой. Остаток пути до усадьбы решили осмотреть завтра.

На второй день нам улыбнулась удача. Мы нашли медную монетку 1842 года, достоинством в две копейки. Над размашистой буквой «Н» парила корона, а внизу виднелась римская цифра один. Штамповка хорошо сохранилась. Дочь долго крутила и рассматривала медяк у себя в руках.

—Ну, расхитительница гробниц, знаешь при каком царе начеканено?— спросил я у Ани.

—Николай Первый, — неуверенно произнесла она, не отрывая глаз от монеты.

—Правильно, видишь, сколько лет в земле пролежала, тебя ждала. Нам бы хоть одну золотую денюгу найти, а лучше целый самовар,— мечтал я вслух.

К концу пути в наше поле зрения попал одинокий усечён-

ный холм. Скорее всего, он искусственного происхождения. Наверное, насыпь служила основой для фундамента усадьбы. Очень хотелось бегло пройтись по нему, но силы были уже на исходе, да и стрелки часов уже «шагнули» во вторую половину дня. Мы лишь с расстояния обшарили возвышенность взглядом. На жаре холм колыхался будто мираж. Сердце у меня отчего-то пугливо замерло. Я почувствовал прилив недомогания и головную боль. В глазах потемнело то ли от усталости, то ли от боли. А может, сказалось всё сразу. Дочка заметила мою бледноту и сильно испугалась. Весь обратный путь она на меня настороженно поглядывала. Возвращались неторопливым шагом. Дома всё, как рукой сняло. Что это было со мной, я не знаю. Возможно, случился солнечный удар.

На некоторое время мы решили прекратить наши прогулки. К тому же домашние дела никто не отменял. Для следующего похода выжидали более пасмурную погоду. Подходящий денёк выдался через полторы недели.

Подобраться к холму оказалось не так-то просто. Дорогу преграждал большой заболоченный родник. Природа устроила нам настоящую неодолимую преграду. Пришлось делать крюк длинную почти в километр. Зато на вершине нас ждала награда. С высоты глазам представилась вся щедрость летних красок. Отсюда открывалась зелёная неоглядная ширь просторов. Представляю, какой вид был из окон усадьбы. Душу обняло ощущение величественного и прекрасного.

На холме не было ни одного ровного места. Ноги всё время спотыкались о ямы, бугры, кирпичи и булыжники. Поиски затрудняли непролазные заросли крапивы. Приходилось её сначала приминать ногами, а потом уж шарить металлоискателем по земле.

Сигнал звучал почти повсюду. Под слоем дёрна мы постоянно натыкались на куски тонкого гнилого железа. Предполагаю, что у дома крыша была покрыта железом. Изрядно помахав лопатой, наша жажда сокровищ стала остывать. Всё же пара достойных находок имелась. Надежду на успех подкрепляло внушительное шило из какого-то крепкого сплава. Длинной оно около пятнадцати сантиметров, жало имело три грани, ручка удобно помещалась в кулаке. Также удалось найти десертную вилочку из серебра, у которой не хватало одного зубца. «Значит, здесь стоит покопаться», – вдохновлял я дочку.

Аня часто заморгала, когда катушка прибора зависла над обломком стены. Сигнал известил, что внизу находится ценная вещь большого размера. Я кое-как смог спихнуть глыбу с места и стал копать. Предмет находился глубоко. Яма быстро росла и вширь и вглубь. Прибор визжал всё пронзительнее. Я работал лопаткой с предельной осторожностью, чтобы не повредить драгоценную вещь. Потом и вовсе стал выгребать землю руками. Пальцы мои вскоре наткнулись на что-то плоское. На дне ямы показался тёмный предмет. Я изловчился, аккуратно подцепил, и освободил его из долгих

объятий земли.

Вещицей оказалась серебряная тарелочка диаметром примерно сантиметров двадцать пять. Аня почистила её от грязи и на ней стали видны какие-то выпуклые символы очень похожие на буквы старого славянского алфавита.

Часть третья.

Вернувшись домой, Аня пружинной быстрой походкой побежала хвастаться соседям нашей удаче.

– Ух, ты, вот это да! – почти в один голос восторженно удивились соседи.

Внимательно рассмотрев тарелку, дядя Гена сделал заключение, что она действительно сделана из настоящего серебра. Доказательством тому была проба, выдавленная в центре блюда на обратной стороне. Через увеличительное стекло просматривалась малюсенькая цифра «800». Рядом с ней находилась такая же крохотная буква «Т». Все три её конца напоминали лезвия кинжалов. По-видимому, это был именовик, отличительный знак продукции Тихоновых.

Конечно, вернуть первоначальный вид тарелке нам не удалось. После долгих часов кипячения в лимонной кислоте чёрный налёт почти исчез. По ободу блюда чётко выделились все буквы алфавита и цифры от 0 до 9. Лицевая часть чем-то напоминала циферблат круглых настенных часов.

Потом Аня несколько дней вручную полировала находку с помощью старого войлока и зубной пасты. Вскоре тарелочка заиграла зеркальным блеском. При солнечном свете наблю-

дался странный поразительный эффект. Солнечный блик копировал узор блюда и проекцией отображался на стене или потолке. Бывало, дочка подшучивала надо мной и соседями, направляя солнечных зайчиков нам прямо в лицо. Дядя Геня с женой не обижались на её мелкие проказы. Разве можно обижаться на ангела, из глаз которого брызжет молодость и жизнелюбие.

Не описать словами, как дочка радовалась первой завязи огурца на грядке, посадили-то поздно. Каждое утро бежала зрительно измерять, на сколько сантиметров продвинулся рост плодов. Однажды дочь ввела меня в ступор, задав вопрос: «Пап, а откуда растение знает, где находится шпалера? Усики ведь сами тянуться к опоре». Для меня и самого это была загадка. Напрашивалось одно предположение о существовании некой незримой силы, которая управляет жизнью. Мой затылок заходил ходуном при мысли от того, что огурцы умеют чувствовать. Но дочка не рассмеялась, когда я высказал ей свои догадки, восприняла всё всерьёз.

Следующая неделя выдалась слишком хлопотная, поэтому на поиски сокровищ не ходили. Прибирали дрова, купленные на остаток денег. Я колол, Аня укладывала поленья в тачку и увозила в сарай.

Среди хламья, завалившегося в сарае, нашли мой старый велосипед. «Вот, что значит качество и надёжность, — сдувая пыль с сиденья, сказал я дочери, — будет теперь на чём в магазин ездить». Вдоволь я на нём когда-то покатался по лесным

дорогам. Конечно, «скакун» был не первой свежести, краска потускнела, местами отвалилась, обнажив металл. Колёса требовали замены камер и покрышек, в остальном всё было хорошо. Звонок на руле по-прежнему исправно бренчал.

Повадился мимо нашего дома гулять один паренёк. Проходил неспешно, вытянув шею за забор. Нетрудно догадаться, что предметом его интереса была Аня. В моменты его появления дочка начинала беспричинно громко смеяться, будто смешинка в рот попала. Так она привлекала к себе внимание, дразнила мальчишку, однако сама глаза всегда отводила в сторону, притворялась, что не замечает его.

Мне было любопытно наблюдать за этой игрой. Наверное, всё та же незримая сила притягивала к друг другу двух молодых людей, два красивых тела, две молодые души. Ещё неведомое чувство щекотало сердца обоих, мешало спать по ночам, манило их сблизиться.

Всю информацию о юном воздыхателе мне выдала тётя Люба. Звали его Гриша. Он из хорошей порядочной семьи. Парень работающий скромный. В школе его хвалят. Внешность у него довольно красивая. Рослый, крепкий, симпатичный. Да я и сам за свои годы научился людей изнутри разглядывать. Чувствовалось, этот парень серьёзный, за такого можно и дочку спокойно замуж отдавать.

Их робкое знакомство завязалось, когда у Ани слетела цепь на велосипеде. «По счастливой случайности» Гришка оказался рядом и помог всё исправить. В тот день я первый

раз пожал его ладонь, перепачканную в солидоле.

Застенчивость ухажёра и вправду чересчур зашкаливала. Каждый раз при виде Аниуты щёки его пылали. Держаться естественно он не мог. Только на десятый раз я уговорил его зайти в дом и попить чаю, а так он всё стеснялся и отказывался.

Гришка на год постарше Ани, он напомнил мне себя в юности. Не было в его взгляде той животной похоти, с какой многие городские ребята смотрят на красивую молодую девушку. Я был уверен, что слова любовь, честь и долг для него не пустые звуки. А вдруг, те слова из благородных книг не выдумки!? И здесь, в деревне, дочь обретёт с ним истинное счастье, которого не постиг я. Сколько приятных и волнующих мыслей пронеслось в голове, глядя, как они смотрят друг на друга. Ведь и у меня в душе тоже давно цвела первая любовь, только я не осмелился к ней подойти и сказать заветные слова. Хотя она сильно ждала этого... Идиот.

Аню и Гришку я стал, шутя, называть «молодёжь» или просто «дети». Детвора издалека кричала им: «Жених и невеста, тили-тили тесто». Гриша подрабатывал на пилораме, копил на мотоцикл. Аня весь день томилась в ожидании встречи. Металлоискатель наш запылится на полке.

Вечером они допоздна пропадали на заброшенной плотине или в дубовой роще. Это мои излюбленные места прошлого, там мы с друзьями проводили много времени, теперь пришёл черёд других, сидеть под этими могучими кронами.

Дубы, как великаны, им и время нипочём. Ещё мальчишкой я гладил их потрескавшуюся кору и лишайники, кажется, с тех пор они ничуть не постарели. Много любовных тайн безмолвно хранят эти гиганты. Много поцелуев и признаний свершилось в их спасительной тени.

В жаркий выходной день на плотине собиралась вся деревенская ребятня. Купались до посинения. Для любителей адреналина здесь остались несколько стальных перекладин, с них можно было нырнуть в воду с высоты. Просолившись потом от домашних дел, я и сам приходил сюда пару раз освежиться. Течение всё такое же шустрое, вода студёная. Поблизости есть места, где бег воды не такой быстрый. Летом там хорошо сидеть на крутом берегу, помечтать, погрустить с бутылочкой вина. Зимой бабы со всей деревни идут сюда полоскать бельё. Для этой цели там оборудована прорубь.

В одну лунную ночь, когда в доме отчётливо слышны все шорохи и звуки, мне почудился шёпот Ани. Наверное, фантазии, подпитанные восторгом от любви, отрывали дочь от земной реальности, подумал я тогда, вот она и шепчется с Амуром. Может, благодарит его за Гришку. Свои мысли Аня хранила в себе, со мной не делилась, я и не настаивал. Только прятать их было бессмысленно, они все были на её лице.

Сколько раз я так лежал, прислушивался и улыбался. Однажды, проснувшись глубоко за полночь, мой слух уловил тихое бормотание дочери. Внезапная тревога охватила меня.

«Уж не замаливает ли дочка грех какой-нибудь по ночам?» Я решил подкрасться и послушать. Я чувствовал себя преступником, так как вторгался в личную жизнь дочери. Прислонив ухо к двери, мне послышался шелест бумаги. Аня изредка что-то говорила, интонация её была вопросительная, но разобрать её речь не представлялось возможным. Она кому-то задавала вопросы, будто находилась в комнате не одна.

«Ах, Гришка, стервец! Наверное, через окно залез, или болтают через открытую форточку», – осенило меня. «Ромео и Джульетта, блин, как я раньше не догадался!?» – отлегла тревога от сердца. «Тогда почему я слышу только Аню, а голоса Гриши нет?» Немного успокоившись, я вернулся в постель, но жгучее любопытство меня вскоре снова подняло.

Негромким стуком я предупредил юную леди о своём намерении зайти к ней. Я постучался, открыл дверь и включил свет. Аня повела себя так, будто я застал её за каким-то непристойным занятием. Она явно не ожидала моего визита, была очень взволнованна и недовольна. Прижимая к груди серебряную тарелку, она пыталась словами выдворить меня из комнаты. Мне это показалось странным. Разговоры с самой собой в третьем часу ночи мне показались очень подозрительными. На всякий случай я осмотрел комнату, заглянул в шкаф и под кровать, никого не нашёл. Окно было плотно закрыто, за стеклом лишь тишина и большая яркая луна. Дочка продолжала стоять на коленях, перед ней лежала раскрытая тетрадка и ручка.

–Я тебя не напугал? Что ты делаешь? – спросил я.

–Рисую,– опустив ресницы, ответила она.

–Ночью спать надо. Почему днём не рисуешь?

–Не хочу, – прозвучал её нервный ответ.

–А с кем разговариваешь?

–Сама с собой, забылась,– ещё более раздражительно ответила Аня.

–Немедленно ложись спать,– первый раз в жизни я повысил голос на дочь.

С той ночи между нами начались недомолвки. У Ани появились свои тайны. Мне думалось, у дочки наступил кризисный момент, связанный с переходным возрастом и нечаянно ворвавшейся любовью. Но сердце подсказывало мне, что причина загадочного поведения совсем не в этом, присутствовало что-то иное, о чём дочь не хотела говорить.

Ночные разговоры у Ани случались не каждый раз, это я заметил точно. В пасмурные облачные ночи она спала. Её тихое шушуканье из-за стены я слышал только при свете луны. Ругаться и скандалить не хотелось, я просто выжидал, когда ей надоест это глупое занятие.

Дочь словно подменили. Она всё время ходила бледная и молчаливая, ела без аппетита. «Что случилось с моей девочкой?» Аня охладела не только ко мне, но и к Грише. Она уже не так радовалась его приходу, скорее расстраивалась. «Неужели поругались, или она так тяжело переносит критические дни, вроде такого раньше не бывало?» Я терялся в

догадках.

Завершив покраску дома, я сильно устал. Целый день на жаре дышал токсичными парами. В глазах круги, земля и небо ходили ходуном. Мельком полюбовавшись на свою работу, обессиленный и замученный, я лёг спать пораньше. Сквозь сон ночью мне послышался громкий металлический «бряк» и крик дочери: «Нет...нет...да, что ты можешь сделать!? Ты же всего лишь лунный блик! Оставь меня в покое!» Усталость не выпустила меня из-под одеяла, а на утро я и вовсе забыл о ночном происшествии.

Вот и июль на исходе, подумал я, раскрыв глаза утром, тридцать первое число. Этот день мне запомнился потому, что утром Аня снова стала такой, какой была прежде. За завтраком она съела двойную порцию яичницы и хлеба. Выпив залпом подстывший кофе, она обратилась ко мне с просьбой купить ей в комнату плотные тёмные шторы. «Яркая луна мешает спать», – объяснила Аня причину своего пустякового требования. Я как раз хотел с пенсии ехать в город. Надо было собирать дочку в школу, заодно и шторы бы посмотрели.

Всё утро она ко мне ластилась. Обычно дети так делают, когда у них назревает какая-нибудь новая прихоть. Подростки сами не знают, чего хотят, вот и вся разгадка её капризного поведения, подумал я.

С Гришей Аня вновь стала вести себя мило и приветливо. После обеда они расположились на лавочке под яблонями. В окно я видел, как дочка сама нырнула к нему в объятия. Аня

специально подставляла свои щёки для поцелуев. Вечером они взяли полотенца и поехали на велосипедах купаться.

Под хорошее настроение захотелось выпить. Привычки баловаться винцом в одиночку у меня не имелось, поэтому я пошёл сделать заманчивое предложение дяде Гене, заодно бы отметили окончание покрасочных работ.

Столик накрыли в тени яблонь. Тётя Люба мигом сообразила незатейливую закуску. Соседи то и дело пытались направить разговор в сторону взаимоотношений Гриши и Ани. Я отшучивался. Говорить о свадьбе ещё было очень рано. За дочь я не переживал, по поводу осторожности у нас с ней было немало откровенных разговоров, точнее, моих нравов-учений. Алкоголь и вечернее солнышко веселили и согревали душу. Говорили о том, о сём.

К реке пробежали несколько пацанят, они явно были чем-то взволнованны. Через пару минут пробежал ещё кто-то. «Что это они все, как на пожар бегут?» – заметил дядя Гена. Вдруг издалека послышалась сирена. Мы насторожились, такие звуки здесь очень редки. Рёв сирены приближался к нам всё ближе. Карета скорой помощи промчалась мимо наших домов. Мы проводили её взглядом. «Скорая из района, к кому это интересно?» – прочитал мои мысли вслух захмелевший сосед.

Выглянув за забор, я увидел, как машина скрылась за спуском к плотине. Народ вывалил из домов и побежал смотреть, что случилось. Мы тоже не остались равнодушны и по-

спешили к реке.

«Только не Аня, только не Аня», – постоянно повторялось в моей голове. Беспокойные мысли атаковали меня, отгонять их не получалось. Воображение стало примешивать какие-то дурацкие жуткие картинки. Недаром говорят, чего ты боишься, то и произойдёт. Дядя Гена запыхался, перешёл на быстрый шаг и отстал. Ноги сами несли меня на плотину.

Я подоспел в тот момент, когда Гришу всего в крови положили на носилки. Сперва я не узнал его. Среди зевак мой взгляд не нашёл Аню. Чуть поодаль, ближе к пляжу тоже стояли люди. Сердце опахнуло жгучее беспредельное волнение, когда за толпой на земле я разглядел свою дочь. Она металась в страшной истерике по песку и рвала на себе волосы. Ребята постарше пытались её удержать. Фельдшер застыл над ней со шприцем.

Сам не помню, как очутился рядом с дочкой. Аня меня не узнала, глаза её безумны. Она тоже была вся в крови.

Заключительная часть.

Водитель скорой помощи и пара ребят покрепче помогли удержать Аню. Фельдшер изловчился и сделал ей укол успокоительного. Я вместе с врачом осмотрел дочку. Ран и ссадин на её теле не обнаружили, скорее всего, на ней была кровь Гриши. Дочка немного успокоилась, села на песок и стала раскачиваться взад и вперед. Она постоянно повторяла: «Папа, папочка, Гриша».

Запыхавшийся дядя Гена стал расспрашивать мальчишек,

что произошло. Они наперебой кричали, объясняли и махали руками в направлении перекладин. Ничего понять из их слов не удавалось. Сосед армейским голосом скомандовал: «Тихо! Давайте всё по порядку».

Самый старший мальчуган, лет четырнадцати, запинаясь в словах, начал рассказывать о случившемся несчастье:

– Гришка залез на самую верхнюю перекладину и готовился к прыжку. Мы все оттуда сколько раз прыгали. Там глубина большая, главное хорошо прицелиться... Перед толчком в последний момент Гришку что-то спугнуло, и он промазал, попал на мелководе. Мы думали всё, погиб, а он ничего, только сильно ушибся и исцарапался о дно. Мы его на берег вытащили... а ваша Аня, – парень посмотрел на меня, – забежала в речку и стала бить руками по воде, она кого-то громко ругала.

– Кого она ругала? – хотел я обрушить свой гнев на обидчика.

– Мы сами не знаем. Она крутилась, металась в разные стороны и стучала по воде кулаками. А потом к Гришке поспешила, обнимала, целовала его и сильно плакала, – эмоционально объяснял конопатый мальчишка.

Домой я нёс Анюту на руках. Она обвила мою шею руками, упёрлась головой мне в плечо и рыдала. «Папочка, папочка. Что я наделала? Что я наделала?» – корила дочка себя, неизвестно за какую провинность. Все на нас смотрели с ненасытным любопытством. Хотелось поскорее скрыться

от жадного взгляда толпы. Мне казалось, все вокруг сговорились и смеются над дочкой, считают её полоумной. Уж потом, когда сердце немного успокоилось, я понял, что обстоятельства заставляли меня думать ошибочно. Люди наоборот сочувствовали и сострадали нашему горю.

Все мои мысли были обращены к дочери, почему-то ни одна мысль не коснулась Гришки, а он ведь здорово покалечился и мог умереть. Возможно, из-за этого психика Ани покачнулась, и её действия вызвали недоумение у ребят. Она у меня такая впечатлительная. «Всё залечится, всё пройдёт, — успокаивал я себя,— главное все живы».

С утра деревню облетел слух о самочувствии Гриши. У него вывих и сложный перелом левой руки. Глубокие ссадины и сотрясение мозга, это само собой. К этой новости Аня отнеслась радостно. Но радость её оказалась совсем недолгой, сквозь скрытую тревогу на лице проступила минутная улыбка, затем дочь снова погрузилась в отрешённое состояние.

Гриша пробыл в больнице несколько дней. Плечевой сустав вернули на место. Руку собрали и гипсовой повязкой зафиксировали на груди. Врачи сказали, легко отделался, могло быть и хуже, высота-то совсем нешуточная. Восстанавливать здоровье Гришу отправили домой. Аня навещать его не ходила. На шестой день после трагического случая Гришка сам приковылял к нашей калитке. Крупные царапины избородили всё его лицо, наверное, шрамы останутся на всю

жизнь.

Я хотел выйти, поприветствовать его и помочь зайти в дом. Аня меня опередила. Прямо босиком дочь выбежала на улицу. Мешать я им не стал. Вместо объятий и поцелуев, которые я ожидал увидеть, они стали говорить на расстоянии. В приоткрытое окно иногда залетали обрывки их разговора. Послышалось мне, или нет, Гришка сказал, что в тот день он увидел в воде прямо под собой зловещий мужской лик с разинутой пастью. Поэтому он и прыгнул в сторону. «Ты всего лишь увидел отражение облака причудливой формы», – холодно объясняла Аня. Последние её слова я слышал отчётливо: «Нам не нужно больше видеться. Лучше ничего не спрашивай, и не приходи ко мне, умоляю тебя. Тебе со мной опасно. Прощай».

Мало сказать, что слова дочери стали для меня неожиданностью, от её выходки я просто опешил. Любимый человек чуть жизни не лишился, вдобавок ещё и она обошлась с ним так жестоко. Расспрашивать Аню я ни о чём не стал, всё равно ничего не добьёшься, придёт время, сама всё расскажет.

Аня вела себя обыденно, никаких заскоков у неё больше не случилось, только гулять она выходила редко, всё читала у себя в комнате. Обычно подростков читать не заставишь, а тут она сама не выпускала книги из рук. Я уже говорил, что и сам любил иногда спрятаться от мира, книги помогали переноситься в свой воображаемый мир. Пусть читает, тем более скоро в школу.

Стоит упомянуть о странном явлении, которое произошло незадолго до первого сентября со всем нашим урожаем. Вся ботва на овощах за одну ночь почернела. Бывает, такое случается в заморозки, но их не было. У соседей подобной аномалии не наблюдалось. «Первый раз такое вижу! Что за напасть?» – причитала тётя Люба на пару с мужем, рассматривая наши грядки и картофельник. Удивление усилилось вдвое, когда я обнаружил гнилые корнеплоды. Почти все наши труды пошли прахом. Удалось спасти лишь малую часть овощей, да и те вскоре испортились в подвале. Яблони и плодовые кусты тоже пожелтели раньше времени. В мозгу громоздились различные версии по поводу данного случая: от самых простых и объяснимых до мистических и невероятных. Я так ни к чему и не пришёл. Ответов не было, было лишь одно расстройство.

На праздничной линейке в День знаний Аня выглядела не хуже других. Народу присутствовало человек триста. Ещё живёт деревня! Я вместе с другими родителями пришёл поглядеть на торжество. Аня меня отговаривала, стеснялась. Одноклассники охотно приняли её в свои ряды. Многих из них она уже знала.

Гриша по-прежнему ходил в гипсе. Его взгляд не сходил с лица Ани. В глазах парня читалась надежда на возобновление отношений. Дочка удосужила его лишь лёгким кивком головы. Мне удалось с ним переброситься парой пресных слов, которые люди говорят при встрече.

Когда я окинул взором посеревшие стены школы, они напомнили мне о невозвратном счастье. Прозвучала трель первого звонка, и Аня скрылась за дверьми.

Минул сентябрь и октябрь. Жизнь шла своим чередом. Хорошей успеваемостью Аня радовала редко, она и в городе-то не тяготела к знаниям. Занималась прилежно, домашние уроки и задания выполняла добросовестно. Моё мнение, деревенской девчонке ни к чему знать точные науки «на зубок».

Произошёл со мной в те дни нелепый случай. Собственной скважиной мы пока обзавестись не успели. За водой ходили на колодец или просили у соседей. Для двух человек её много и не надо. Вёдрам на кухне отведено специальное место, над ними на гвозде висит металлическая кружка для питья. Взял я её как-то раз, почерпнул воды из ведра, поднёс к губам, и на секунду обомлел от страха. В воде мне померещился глаз, зрачок как будто меня разглядывал. Я тут же бросил кружку на пол. «Шутки воображения», – подумал я и рассмеялся. Хотел повеселить Аню этой забавной историей. После моего рассказа она побледнела, ни с того ни с сего заплакала и убежала к себе в комнату. В ту ночь опять начались её странные разговоры. Все осенние каникулы она что-то шептала по ночам.

В нашу устоявшуюся жизнь залетели неприятности, связанные с успеваемостью и поведением Ани в школе. Директор вызвал меня к себе. Он жаловался, что Аня спит на уро-

ках, и совершенно потеряла интерес к учёбе. Учителя просили повлиять на дочку. Этот разговор и так давно назревал, теперь был повод образумить мою девочку. Нельзя же, в конце концов, постоянно ходить как обморочный призрак. Мода что ли такая пошла у молодёжи, и Аня хочет так выделиться?

За ужином я аккуратно подкрался к этой теме. Попытки вскрыть внутренние проблемы наткнулись на равнодушное: «Всё нормально». Аня сидела, и вяло задумчиво ковыряла вилкой в тарелке.

– Да, что с тобой? Скажи! – вспыхнул я и ударил кулаком по столу.

Она сжалась, зажмурилась от испуга и снова заплакала. В тот вечер я подумал отвезти её к психиатру.

По ночам у нас с ней случались частые ссоры. Я её ругал и заставлял ложиться в кровать. Она всё послушно исполняла. Я задёргивал шторы, выходил, а через несколько минут лунный свет снова пробивался через дверные щели. Все мои замечания ею не воспринимались.

Грянули первые морозы. Дни стояли ясные, ночи лунные. Реку сковало льдом, землю укрыло белое снежное покрывало. Мне понравилась зимняя рыбалка. Дни напролёт пропадали с соседом на реке. От дяди Гены я познавал все азы и хитрости этого промысла. Сидя над лункой, я подсчитал, что дров до весны нам не хватит. Пришлось заказать ещё одну машину.

Дрова привезли быстро. На календаре первый день зимы, он начался, не предвещая никаких бед. Опасность подстерегла меня за колкой дров. Тяжёлый колун при сильном ударе соскочил с кряжа мимо и отскочил мне в правую ногу. Такого досадного промаха со мной никогда не случалось. Как я так, сам не знаю? Ступня здорово распухла, опираться на неё было невыносимо. Лютая ноющая боль приковала меня к кровати. В тот вечер Аня от меня не отходила, сильно жалела и плакала, словно я лежу при смерти.

Неприятности на этом нас не покинули. Настала какая-то чёрная полоса. Рано утром мой нос учуял запах газа. По забывчивости или по невнимательности Аня не закрыла до конца вентиль одной из конфорок на газовой плите. Хорошо, что беда миновала. Могли бы задохнуться во сне, или, того хуже, взорваться. Благодаря хорошей естественной вентиляции старого дома этого не произошло.

В свой последний вечер на этом свете Аня долго сидела рядом со мной и умоляла её за всё простить. Отцовский инстинкт не распознал и не предупредил о приближении страшной беды. Скрип входной двери ночью также не побеспокоил сердце.

–Аня, Аня,– стал я звать дочь.

В ответ тишина. В комнате её не было. Кое-как я выбрался на крыльцо и ещё раз позвал дочь. Верхняя одежда висела на месте. Обувь тоже находилась в прихожей. «Куда она могла пойти в такую стужу босиком и раздетая?» Я немедленно

оделся и пошёл на поиски. Беспокойство меня подгоняло, но с больной ногой резво идти не получалось.

Лунный свет отражался от сугробов. Вся улица пламенела в голубом магическом свечении. На спуске мелькнул силуэт. Я громко крикнул: «Аня!» и поспешил догонять её. Шаг перешёл на бег. Пересиливая боль, я бежал к реке.

Оказавшись на спуске, я огляделся. Взгляд мой поймал Аню не сразу. Нас разделяло расстояние метров триста. Она медленно шла в направлении проруби. Вдруг разум мой постиг всю опасность происходящего. «Аня!» – крикнул я что есть силы и побежал по склону. Правая больная нога подвела меня, я поскользнулся и упал. Встать и найти опору получилось не сразу. Моё лицо и одежда в снегу.

Отсюда дочку не видно, прибрежные кусты заслоняли обзор. Выбравшись на речной простор, я её увидел. Она стояла на краю проруби и протянула руки ко мне.

–Стой, стой, дочка! Что ты?! Не надо! – надрывался я.

В ответ донеслось одно слово: «Прости». Аня шагнула в прорубь и скрылась под ледяной водой. Мой крик отчаяния эхом отскочил от крутых заснеженных берегов.

Сбросив одежду и валенки, ни секунды не сомневаясь, я кинулся за ней. Мышцы мгновенно одеревенели, кожу пронзили миллионы раскалённых иголок.

Во тьме слегка разбавленной лунным светом я заметил светлое пятно. Оно медленно и плавно покачивалось на глубине в такт течению. Безжизненное тело Ани лежало на дне.

Мои руки вцепились в её белую сорочку. Воздух в лёгких был на исходе. Я с силой оттолкнулся от каменной почвы и вместе с Аней ринулся к светлому квадрату на поверхности.

Придерживая дочку левой рукой, я беспомощно барахтался в проруби. Приложив все усилия, я вонзил свои ногти в лёд, подтянулся и смог затащить дочку на снег. Как сам выбрался, не помню. В голове билась единственная мысль: «Оживить!»

Я с силой заталкивал воздух в её лёгкие и отчаянно нажимал на сердце. Бил по щекам и ругал её, но Аня меня уже не слышала. Волосы дочки сбились в ледяной бесформенный ком. Длинные веночки ресниц примёрзли к векам. Мне не верилось, что она их больше никогда не откроет.

Силы покидали моё тело. Холод зазывал меня вслед за дочерью. Мне было всё равно. Засыпая, я видел, как звёзды и луна отражались в проруби. Среди них возник образ Ани. В иллюзии проявился размытый силуэт и обнял дочку. Это последнее, что я помню.

О похоронах позаботились соседи и добрые люди. Сильное эмоциональное потрясение и высокая температура перенесли меня на несколько дней в какое-то иное измерение. Я пребывал в полной протрации.

Священник из соседнего села отказался отпевать дочку. Отпевать самоубийц в православии строжайший запрет.

События тех дней память выдаёт урывками. Аню хоронили в свадебном платье. Старухи над ней долго крестились и

кланялись.

Похоронная процессия медленно двигалась в сторону моста, за которым виднелись памятники и кресты старого кладбища. Отовсюду на меня сыпались слова скорби и сочувствия. Я везде ловил сожалеющие взгляды.

Земля распахнула свои холодные объятия перед Аней и приняла её невинное тело. Через три дня ей бы исполнилось шестнадцать лет.

Первое время я не мог поднять глаза при встрече с людьми. Мне казалось, они считают меня извергом и мучителем, который сгубил свою собственную дочь. Такую славу мне пытался создать следователь, он «гнул» дело в сторону домашнего насилия. Я помню его хитрые бесстыжие глаза. Своими допросами он больно топтал моё сердце. Когда я шёл по улице шеи прохожих невольно на меня оборачивались. Деревенские ребятишки сочиняли про меня различные байки и страшилки. Слухи ещё долго выветривались из деревни.

Что Аня прятала в глубине своей души, мне удалось узнать лишь через десять лет. Всё это время думать о посторонних вещах у меня не получалось. Душу придавил тяжкий груз прошлого. Согласитесь, вытравить из памяти такое невозможно. Каждый день в течение десяти лет я спрашивал себя: «Почему? Что за божий замысел такой?» и всё чаще поглядывал на верёвку в сарае. Сделать мне это ничто не мешало, но одна случайность меня остановила, она помогла

раскрыть тайну дочери.

Дальше я буду писать для тех, кто верит в невозможное.

Недавно, чтобы скоротать время в очередную бессонную ночь, я решил почитать книгу. Вытянув с полки серванта толстый томик одного из классиков, я увидел за ним серебряное блюдце и тетрадку. На пожелтевших страницах «плясали» и печатные и прописные буквы, написанные рукой Ани. Корявые буквы соединялись в слова, слова в предложения.

Глаза мои побежали по неровным строчкам. Аня писала от имени какого-то молодого человека. На первых страницах одна сплошная романтика. Таких любовных признаний и ласковых слов я никогда нигде не читал. Все они были направлены к сердцу дочери.

В записях мелькнуло имя Никита. Память тут же воскресила давнишний рассказ соседа о семействе Тихоновых. Любовник со страниц искренне благодарил Аню за то, что она нашла блюдце. Тарелочку изготовили убитые горем родители, чтобы утешить себя мнимым общением с сыном. Они и сами не знали, что создадут настоящее устройство для общения с духом их покойного сына развратника. Подробно описано, в какой затаённой злобе и ненависти сделано блюдце. Родители проклинали убийц. Серебро впитало весь негатив.

Призрак барина рассказывал про свой мир, приглашал и заманивал Аню к себе. «Освободись от тела и иди ко мне», – часто повторялись строчки. Вскоре последовали лёг-

кие угрозы, постепенно они нарастали. Мои глаза впились в дату тридцатое июля. В память горящей искрой влетело воспоминание, когда разбился Гриша. Под числом запись: «Завтра ты увидишь, что станет с твоим красавчиком».

Видения прошлого обступили меня со всех сторон. На все трагические события в тетради был ответ. Руки мои затряслись, сердцу стало тесно в груди. «Неужели это правда!?» Далее следовали одна угроза за другой и твёрдые обещания их исполнить.

«Я убью и покалечу всех кто тебе дорог. Иди скорей ко мне!»

«Как тебе урожай?»

«Я всё вижу и всё знаю, потому что я везде, везде, везде».

«Я знаю твои мысли, если кому-то расскажешь про меня, тот умрёт».

Последняя запись датирована второго декабря, после ночного происшествия с утечкой газа: «Завтра не пощажу ни тебя, ни твоего папашу. Освободись от тела и иди ко мне. Буду ждать тебя в проруби».

Мысли мои закипали. Я перечитывал записи снова и снова. Страх холодной змеёй вползал внутрь всё глубже и глубже. Но его пересилило желание знать больше, докопаться до конца. Внезапно, каждой своей клеточкой я ощутил присутствие Ани. Я даже оглянулся проверить, не стоит ли она сзади. Здравый смысл продолжал настаивать на своём, утверждая, что от одиночества у меня разыгралось воображение.

Я его не слушал. Все доказательства незримой реальности находились у меня в руках.

Я долго крутил блюдце у себя в руках, пытаюсь понять, как оно работает. Подсказка возникла в голове сама собой. Разгадкой ко всему являлся лунный свет. Сегодня я опоздал. День за окнами уже вступал в свои права, он показался мне бесконечным. Весь день грудь теребило чувство ожидания и тревоги.

К свиданию с дочкой я подготовился с вечера. Блюдце поставил на стол и не спускал с него глаз. Убрал цветы с подоконника, занавески снял совсем. Как назло хмурая завеса из облаков мешала лунному свету пробиться в окна. Ожидание томило. Я прилёг.

Наконец в комнате заиграли первые отблески луны. По стенам забегали тени от яблонь. Бледный луч подкрался к блюдцу. Я замер. Глаза мои округлились, я вжался в матрас, не веря в происходящее.

Отражённый свет от блюдца стал фокусироваться на потолке. В круге света, окантованном буквами и цифрами, начало что-то проявляться. Чёрно-белый расплывчатый образ сгущался. Разум не привык видеть такие вещи, поэтому лёгкое оцепенение сковало тело, по коже загуляла дрожь.

Я стал различать знакомые черты лица. Лик как будто бы находился за полупрозрачной тканью. Это была Аня. Родную дочь ни с кем не перепутаешь. Хотелось дотянуться до этих глаз, щёк и губ. Изображение колыхалось. Аня смотре-

ла прямо на меня. Трудно понять, улыбалась она или нет. Больше показалось, что дочка взволнована.

Буквы на ореоле стали притеняться. Ожидаемый и волнующий момент настал. Буквы «П» и «А» сверкнули поочередно два раза. О господи, она говорит: «Папа!» Не отрывая глаз от потолка, я записывал послание дочки. Дрожащая рука вывела слова: «Папа. Это я. Помоги. Освободи. Освяти. Тороп...»

На последнем слове проекция исказилась и всё пропало. Луна по-прежнему продолжала ярко светить, но изображение больше не появлялось.

«Торопись» «торопись» подгоняли меня слова Ани, когда я мчался на велосипеде в соседнее село. Там находилась убогонькая древняя церковь. Из-за деревьев выплыли её покосившиеся кресты на куполах. Христос с поблекшей фрески над входом на меня одобрительно посмотрел. Его взгляд успокоил душу и сердце.

Старый батюшка худощавого телосложения протирал подсвечники тряпкой. Его звали отец Андрей. Он меня сразу узнал. Значит, помнил и о дочке. Заметив моё состояние, он усадил меня на деревянную лавку и присел рядом. Я ему рассказал всё как на духу. Губы его ни разу не дрогнули. Святой отец всё внимательно выслушал. Он понял, что провести обряд следовало незамедлительно.

Под протяжные слова молитвы батюшка налил воды в позолоченный тазик. Положил в воду распятыё. Зажёг свечи.

Плотные лучи солнца ворвались внутрь, помещение озарилось небесным светом.

Блюдце, оказавшись в руках священника, заметно потемнело. Батюшка нисколько этому не удивился, в отличие от меня. Видимо, на своём веку он повидал немало чудес. Тарелочка описала дугу под водой и с глухим звуком опустилась на распятие.

Я шарахнулся в сторону, когда из блюдца вытянулся ступок света. Пальцы мои сами собрались в перст, и я перекрестился несколько раз. Из воды за ним протянулась какая-то тёмная дымка, она чем-то напоминала человеческую руку. У святого отца не дрогнул ни один мускул на лице. Он лишь повысил интонацию голоса. Тёмная дымка заползла обратно. С каждым его новым словом блюдце становилось всё чернее.

Яркий комочек поднимался всё выше и выше по солнечному лучу. Разинув рот, я наблюдал за ним. Глаза потеряли его из виду, когда смотреть на свет стало совсем невыносимо.

Последние слова святого отца подействовали на блюдце словно молот. Оно сплошь покрылось трещинами и под водой рассыпалось в блестящий песок. В воде таяла паутинообразная невесомая чернь. Вскоре она совсем растворилась.

Святой отец стоял пару минут с закрытыми глазами, подставив лицо в поток солнца. Хоть веки его были закрыты, но казалось, он всматривается в пространство, ведомое только ему одному. Под его бородой возникла благодатная улыбка,

и священник тихо сказал мне: «Теперь не тревожься. Твоя дочь свободна». Тяжкий груз с души улетучился без остатка. На глаза выкатились слёзы радости. Запинаясь, я спросил:

–Но как?

На что батюшка подставил свой указательный палец к губам и прошептал:

–Тсс.

–А что делать с этим,– указал я на позолоченный таз с порошком,– закопать?

–Зачем же добро закапывать!?! Металл очистился от зла. Возьми себе, вдруг пригодиться.

Запрытался в словах святого отца какой-то намёк, думал я, возвращаясь домой. Велосипед катил рядом с собой, спешить было некуда. Солнце ластилось к моей щеке не как обычно. Почему я никогда не замечал, какое оно прекрасное!?! Повсюду шелест и шуршание. Везде жизнь! Каждая мысль в голове вызывала ослепительный фейерверк. Я был пьян от знания, что предела жизни нет даже после смерти. Я знал, всё вокруг живое, бесконечно любящее и мудрое, ощущал себя его частью. Мне было очень хорошо, будто бы Аня шла рядом со мной. Перед мостом я остановился, захотел навестить её и родителей, поговорить с ними.

В моих черновиках повесть на этом заканчивалась. Было бы неправильно её не дополнить событиями последних недель. Директор школы попросил меня, как бывшего военного, поработать учителем ОБЖ, а заодно и школьным биб-

лиотекарем. Конечно, я с радостью согласился. Ученики из-за моей фамилии дали мне прозвище «Голова». Я не обижаюсь. Уроки стараюсь вести не по казённым книжкам, от которых нападает зевота. Каждое занятие превращаю в небольшое представление, чтобы ребята смогли ясно понять и почувствовать, насколько бесценна человеческая жизнь и здоровье. Оградить этих неоперившихся подростков от беды теперь цель моей жизни. Теперь скука нападает редко, детвора после уроков бежит ко мне, полюбились им поиски клада.

Переставляли мы тут как-то с ребятами книжные полки в библиотеке. Случайность или нет, мне в руки сама упала старая упитанная книга с названием «Основы ювелирного ремесла». Теперь допоздна пропадаю за своим самодельным верстачком в сарае. Блюдце получилось сделать далеко не с первого раза. Сегодня закончу последние буквы. Надеюсь, ночью взойдёт луна...